

ИНА
БЛИЗНЕЦОВА

ВИД НА НЕБО

Ина Близнецова

Вид на небо

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60230817

И. Близнецова. Вид на небо: Издательство «Водолей»; Москва; 2020

ISBN 978-5-91763-504-4

Аннотация

Ина (Инеcса) Близнецова родилась в Оренбурге, затем матмех ЛГУ в Питере; затем – эмиграция в США: недолго Бостон, и долго Нью-Йорк, вернее, городки до и за мостом Tappan Zee на Гудзоне. Автор пяти книг стихов. Стихи печатались в журналах «Континент», «Новый Журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Стороны Света», в альманахах «Встречи», «Побережье», «Связь времён», в антологии «У голубой лагуны». В книгу вошли стихотворения из сборников, изданных в США и России, а также переводы из Э. Дикинсон и Дж. Руми.

Содержание

Пение перьев	5
Пейзаж с ангелом	17
Долина тенет	46
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ина Блинецова

Вид на небо

© Ина Блинецова, 2020

© О. Сетринд, оформление, 2020

© Издательство «Водолей», оформление, 2020

*** * ***

Пение перьев

Избранные стихи
1976–1978

* * *

Успокоения не ждет
стремящийся свершить
свой миг, как птичий перелет,
и крылья по ветру кладет
меж призрачных вершин.

А в непрозрачных облаках
безумством лишь возьмешь!
А если там скала как нож —
шальная голова легка —
поверит, что органа дрожь
дошла издалека.

* * *

Была зима дарована как милость.
Еще помедлив на пределе чувств,

потом в нее, как в омут, опустилась
и в самой глубине зажгла свечу.

Свет проникал сквозь сомкнутые пальцы
и принимал снежинки на ветру,
и тени устилали снежный панцирь,
как мотыльки, слетавшие к костру.

От их спешащей невесомой стаи
отделена, в медлительный огонь
одна снежинка падает – и тает —
и вновь летит на теплую ладонь.

* * *

– Боже, зачем до застывших рек
белым цветком зацветает снег?

– Он так живет, полет – его век.

Просто полет – его век.

– Боже, в болезни извечных вин
к чему мы? Цель свою назови!

– Для радости, девочка, и для любви
просто так, для любви.

– А что это там, за мостом вдали?

Нежная тьма в сплетении лип...

– А там, моя девочка, край земли.

Там просто край земли.

Магдалина

Ты ли это? Долгими ночами
звездными бездонными очами
сожжена дотла.

Ты ли это? ласками чужими
с губ моих Твое украли имя,
не уберегла.

Первый, сладкий, вольный иль невольный
но обман – приемлю вновь безвольно,
нет судьбы иной
тело к телу льнет как к солнцу тени,
но душе в чаду ночных сплетений
тяжко быть одной.

О, мои невидящие ночи!

Как сквозь них узреть Тебя воочью,
вечны страсть и страх!

Твой ли след в песках давно остывших
на долинах под луной не бывших
целовала в снах?

Или ложь? И призрачные чары
дел Твоих – мгновенный и случайный
отблеск на траве
жажда смысла – бред, и исцеляет
лишь последний знак, что прах являет
в светлом Божестве?

Так во имя небыли желанной
оборви рукою долгожданной
мой ненужный миг —
я иду! И встала у порога...
Но сияет благостыней Бога
Твой спокойный лик.

Окончание ливня

Еще жило дыхание дождя
и капли, счеты с временем сводя —
любая донести себя спешила —
как черепки разбитого кувшина
летели вниз, пока в святых вершинах
ангел сиял, пророка в рай вводя —
так падали. И знали пустоту,
отчаянное торжество полета,
как знал гонец последнюю версту,

вразмах упавший к городским воротам
и хриплых звуков смертное вино
изливший на томящиеся души —

так ливень шел – до дна, сплошной стеной,
что травы каменели от удушья.

И раскрывали жаждущие рты,
наги и чисты словно в день творенья,
и рвались ввысь, на вольное паренье,
и слепли от минутной красоты.

Им все казалось: или длится миг,
или сейчас случится, отмоленный
всей жизнью, проведенной на коленях
душою, напряженной словно крик
под горлом онемевшего – на вырост
отмерянный, раскрытый как вырез
на юной чуть поднявшейся груди.

Так схимник скажет «встань!» – калека встанет
и силу отдающего помянет —
так приносили в дар себя дожди.
Так принимали травы дар – и жили
как никогда, опомнившись, спеша!

Мои глаза тогда не мне служили,

подсмотренное счастье сторожа.

Колыбельная

Р.

Спи, любимый мой, мальчик мой, спи.

Ночь на исходе и небо светлеет,

ночь мои тихие слезы лелеет,

тонкие тени на стенах слепив.

Спи, любимый мой, тающий свет

ясного снега, упавшего ночью,

листьям последним уже напророчил

вслед поспешить улетевшей листве.

Спи, помедли еще, не спеши.

Снежное утро на нашем пороге

не наглядится, как нежны и строги

в милом лице очертанья души.

Спи, усталые веки смежа.

Мне ли тревожить, мой ласковый, сон твой —

солнце замешкалось за горизонтом,

чуткие думы твои сторожа.

* * *

Осенние цвета, еще живые листья -
подсохший черенок не в силах удержать
и пьют дыханье их дожди с повадкой лисей -
зацеловать, потом забыть и убежать.

Незвучный топоток по веткам и по лужам -
о, осень так щедра на зеркала! -
невольню выдает: вот им уже не нужен
привядший лист большой, что я подобрала.

Дары дерев и вод, бесценный беспорядок
не тронутый метлой, в потеху всем ветрам —
пустяк, заблудший луч, цветок небесных грядок
забился под стекло меж двух оконных рам -

и что-нибудь еще: не в срок, шальная зелень
меж прочих красок листьев, луж и лиц
помнится, поманит – лоб остудить о землю,
по капле жизнь цедя, как рядом ломкий лист...

* * *

Продающийся жить
так же верует самозабвенно
как вскрывающий вены —
и так же не усторожить
ускользанья души.

Не посмеешь задать и вопроса.
Только снежная россыпь
в отворенной уху тиши
только дремлющий куст.
Да какого еще и ответа

Только тени от веток
бесплотность стекла пресекут.

Зимний пейзаж

Все длится предчувствие странных и страшных событий.
И небо откроется, небо отпустит, когда
усилится холод, и лопнут зальделые нити
и с неба осыплются звезды кристаллами льда.

Пока же – о только пока зиме не надоело
играть погремушкой асфальта и мерзлой листвы —

есть время прижаться к земле, ощутить свое тело.
Но время ветшает, сквозь остов иней летит.

И иней на нем зажигает предательски-светлые звезды,
им чуть разгореться, они прожигают дотла!
Есть время проститься, но только проститься не поздно.
А после сияющим льдом поглотится зола

деревья разделят мгновенно возросшие стены,
и кончится ложь – только было ли что кроме лжи
И в почках застывших в прозрачных объемах растений
иная качнется, иная и страшная жизнь.

* * *

А.
Какой-то сон, в котором много плачу,
все уходить не хочет, а пора
и надо выбираться наудачу,
немного остается до утра.

А он за сердце жалобно хватает
и так слаба ручонка – о, прости!
Не то что он меня не отпускает
а просто самому не отойти.

В лицо заглядывает, окликает,
и забежав вперед, глядит опять...
Не то что он меня не отпускает,
но просто так не хочет умирать.

А я – ну что же, разве я слепая,
или от слез ослепла, не пойму,
или сама его не отпускаю -
кому он нужен, маленький, кому?

Еще иду, но все больнее плачу,
о, господи, но ведь зовут, пора!
и утро, слышишь, мне сулит удачу
Удастся ли добраться до утра...

Ночи начала зимы

Я не доплачу, слезы с поспешностью утру,
оставшееся после отболится!
Заснеженные ночи, подобные утру,
до холодов уж верно не умрут
и значит, еще долго будут длиться.

И значит, я успею набросить второпях
платок, пальто, и выбежать – и с Богом!
Смеющиеся блестки от головы до пят
облепят, налетая, танцуя, ослепят

и тень мою засыплют рядом, сбоку.

Останется лишь выйти из круга фонарей,
проплыть в снегу, не чуя ног, решиться...

Снег осыпая, небо становится серей...

Остановись, опомнись, скорей вернись, скорей!

Там не для глаза красота вершится.

О, как бы тут упомнить: за кончившийся год,
за то что скоро он прошел и мутно,
что я такие ночи помню наперечет —
за все сейчас, сегодня, безумный снег идет —
избави бог мешаться в эту смуту...

Закрутит, увлекая, сотрет следы подошв,
но хоть навек – вернуться не упроят!

О, только не вздохнуть бы – ведь если вдруг вздохнешь,
вдох, раздирая горло, упрется в грудь как нож
и вскрыет, и на землю сердце бросит.

Полночь рождества

Не хватит обреченности для веры,
как и ни счастья – для торжества,
чтоб спросить по давнему поверью
венчающую полночь Рождества.

Ни конский волос, ни свечей церковных
колонны в зеркале – не отдадут
мгновений не рождённых но знакомых,
как если бы они случались тут.

Они пойдут обычной чередою
лишь миг спустя, да и не в том печаль...
Как ей дано так просто, над бедою
грядущий год на царствие венчать!

Пейзаж с ангелом

*Бог забыл этот мир,
где, спеша, слетала звезда —
до зова трубы, по зову родства и крови*

Стихи

1978–1980

Три небольших письма домой

Надежде В.

I

По черному песку да ломким тростником
я напишу о том, что я по Вас тоскую,
что здесь я не нашла и не ищу свой дом.
Да не пошлет Господь и Вам печаль такую!

По черному песку свивается волна.
Я здесь давно живу, и плача, и ликуя —
как я ждала того – как я сейчас одна!
Да не пошлет Господь и Вам печаль такую.

А то, о чем пишу Вам ломким тростником,
о чем так горячо, бессвязно Вам толкую —
по черному песку, по солнцу, босиком —

да не пошлет Господь и Вам печаль такую.

А то, что плач мой – Вам, а ревности – дождю,
который плачет сам, и голубем воркует —
на черные пески – о, нет, я Вас не жду:
да не пошлет Господь и Вам печаль такую!

II

Чуть скучновато и неторопливо
пишу про то,
как шли валы, ломая гребни с пенной гривой
и на пальто
летели брызги...
Виноград подсох.
Оливы
снимают по садам.
Я пью вино последнего разлива,
допью – стакан отдам,
и муж нальет еще, и не последний.
Потом, одна,
украдкой выпью и без позволений
еще вина!
От моря брызги, крепкие, как водка —
шалит Эол! —
на каменный, на белый, чистый, звонкий —
летят на пол.

И мне легко смеяться и нелепо
твердить, мой свет:
«Есть только солнце, только море, небо —
другого нет!»

III (римская поэма)

Пенная линия по песку —
след волны.

Солнце в водах омывает усталые очи,
воды светом полны...

Тихо.

Я скоро себя обреку
молча глядеть, как горят мои свечи и ночи.

Показалось – прощаюсь,
но я не простилась с землей.
Уходя, оставила горстку земли,
горсточку снега.
Не отпускает, болит.

Тирренский прибой
беспечен:
здесь время бесплотно —
здесь ему ведома нега.

Я случайно вошла, и я ненадолго.

Разбираю небрежные выплески пены,
волхвую, конечно.

Все пытаю судьбу —
о чем? Я не хотела обмена.

Так и вышло.

Ниточку бус —
янтарные смолки, и только,
мамин подарок —
взяла с холодного моря.

А в Риме, под сводами арок
время гостит,
да я иногда прохожу,
вспоминаю чужое:
глядеть, как кровь приливает к ножу,
сбегались римские жены,
спешили мужи...

Время теснит,
забываю свое, кто я.

Неспешная жизнь
дни разделяет бегло
и не считая.

Недавно смотрела,
на утренней площади стоя,
как тучей свивалась над нею безумная стая:

птицы – над собором святого Петра.

Столько —

едва пробивается просинь,

неба не видно.

Может быть, знак —

а кажется, просто осень,

осенние игры, и улетать пора.

Мой город, легко ли терять свое имя,

примерить другое?

Как пришлось?

Все ли таблички по площадям перевесили?

Ангел случайно остался,

приопустил крыло.

Над дворцом,

над Невою

холодно и невесело.

Дороги сошлись на Риме.

У собора святого Петра, одноименца,

я твержу твое имя.

Я сохраню твое имя.

Видно, время измерить дороги,

вглядеться в их лики —

незнакомые, иноплеменцев.

И еще обернуться перед концом —
и найти у небольшой базилики
Мадонну с тихим русским лицом,
с беспечальной улыбкой.

Как она здесь, почему она здесь, такая —
и откуда, мой Бог, с этим тонким венцом,
да у Римской стены?

Будто слушает что.
Или птиц по ночам окликаая,
ждет весны.
И, наверно, дождется весны.

А тогда, от груди отнимая сведенные руки,
оттолкнет постамент да пойдет не спеша
на восход, по водам —
да по гребню волны.
Как не знала разлуки,
все улыбкой дыша.

А за нею и я потянусь, провожу до приboя.
И спокойной воды тебе, Мать, спокойной воды!
Где-то царство твое,
от небес и цветов голубое,
где к утру зацветают твои небеса и цветы?

Где-то царство твое,
где и дом мой...
Но все не о том...
Начались карнавалы,
отошло Рождество,
и пожалуй, пора.
А собраться недолго —
не из дома —
и то ли бывало.
Поклониться собору святого Петра,

да дойти до вечерней воды —
отсюда, наверно,
приходили ко мне виноватые сны.
Таверна на черном песке.
Полинявший лоскут над таверной.
Тонкая линия по песку —
след волны.

1978, Рим – Ладисполи

* * *

Какую Вы знали – на той же, беспутной и древней
мы жили за совесть, случалось когда – и за страх.
Ах, Анна Андревна, душа моя, Анна Андревна!

Какая там осень в заоблачных Ваших краях?

Как милует Бог там? легко ли царится, царица?
Но Вам это скучно, а мне, соглашусь, все равно.
Когда б заглянули, душа моя, Анна Андревна —
мы свечи зажгли бы и рейнское пили вино.

Войдите, присядьте к столу, поведите плечами,
оставив на вечер блистательный звездный разброд.
Ведь звезды – звездами, а свечи – а свечи свечами,
те там, эти здесь зацветают огнем в свой черед.

К тому же не знаю, как в ваших пределах Вас жалуют,
а здесь и земля Вас носить почитала за честь -
и я об заклад, и большой бы, побилась, пожалуй,
что этот огонь Вам случилось тому предпочесть.

И Вы мне расскажете, где это хитрое древо,
поют ли осанну там, и если да – хорошо ль?
Кого же и звать мне, душа моя, Анна Андревна —
мой ангел, и тот в день рожденья ко мне не зашел.

Друзьям уж и вовсе никак, и подумать-то странно,
им разве по водам случится дойти до меня.
Но Вы-то свободны? свободны, душа моя, Анна?
А то что за радость на тот этот свет мне менять.

Одна и надежда, одна незабытая ревность.
Напрасна – скажите: в аду заживем как в саду.
Но если и осени нет там, Анна Андревна —
сбегайте сюда, хоть на день, в листопад, раз в году.

Падшие ангелы

Слетались на разное —
полночь не выдаст, не тронет —
в сиянии, праздные,
бросив небесные троны.

По белому свету
да белыми крыльями прочерк.
Обманут и в этом
и взыщут за искус – а впрочем

сгоревшая церковь
еще принимает на вечер,
под купол со сцены
хоралом – горящие свечи

Сгоревшая церковь,
пристанище ветра и галок...
Поднялись ли цены
с тех пор, как и я прибегала

на ночь, на ночлег,
просто так, посмотреть на забаву
как делят навек
им от века не данную славу...

Я помню: печально
на пришлых смотрела икона —
осталась случайно
мозаика в раме оконной.

А кто там – не помню.
Наверное, Дева Мария
в тот час как за полночь
ей ветки с цветами дарили

сказали про Сына
и тоже шепнули о славе.
Уходит посыльный.
Ей все-таки мягко постлали.

А эти, от неба,
заблудшие белые души...
Все тычутся слепо,
все плачут и дышат недужно,

а мне бы нельзя —
да помню, нет силы молиться —
пустые глаза,
удивленные тихие лица.

По белому свету
да белыми крыльями прочерк.
И полно об этом,
нам ночь пережить, так-то проще.

Венчанных на царствие,
нас до сих пор сберегала
сгоревшая церковь,
пристанище ветра и галок.

* * *

Отк. гл. 6,2; 8,2–11; 22,19

Настоим на водах полынь
после третьей чаши вина.
От господских пиров до Господних даров неблизко.

И взгляд, что бросит луна
на мозаичные полы,
ничего не значит, как взгляд обернувшегося василиска.

Нам равно далеко до сна,
до дома, до прошлых ночей,
до обещанной кары с небес – до крови на реках.

Но кровь – не наша вина,
и свет с образов – ничей,
и танцует звезда полынь на опущенных веках.

И не будет плаща полы,
ни крупа коня, ни труб,
реченья над нами не сбудутся, слово не сохранится -

мы пили полынь.

Полынь текла с наших губ.

И за седьмою печатью только пустая страница.

О себе ли печалиться нам,
об ангеле третьей трубы,
о стенах сикстинской капеллы, кладбищенской пыли?

За горчащей чашей вина
нам просто забыть.

Просто и нас забыть – да, пожалуй, уже забыли.

А мы доверяем свечам
и умеем молчать о том,

что песчинки с песочных часов засыпают речные плесы...

Оборотни по ночам
бродят из дома в дом,
собирают по каплям звезду – крадут наши слезы.

Заклинание мертвых

Иезекииль, гл. 23

Поля и пастбища голы,
земля не дождалась полива.
как дышишь, по смерти Оголы,
сестра моя, Оголива?

О жизни злой и веселой,
о жизни нашей счастливой
что помнишь, по смерти Оголы,
сестра моя, Оголива?

Подумала бы, что снится
мне это страшное диво:
меня называют блудницей,
сестра моя, Оголива!

Нет ни дождя, ни мира,
травы гибнут, оливы.
Ах, сердце жаждет кумира,

сестра моя, Оголива!

Ах, сердце жаждет покоя,
в час, как заря алеет.
Моей сотворенный рукою,
бог, верно, меня пожалеет...

А Тот, великий и страшный,
шлет кары, смотрит пытливо.
Да будет стена и башня
меж мной и Ним, Оголива!

Не будь ни врагом, ни другом,
не шли ни удачу, ни голод —
уйди, сними свою руку,
Тебя не знает Огола!

Оставь нам божков и рощи,
забудь про хлеба и сливы,
не может быть просьбы проще,
и в чем мой грех, Оголива?

Узнала ли тихий голос —
он смехом покрыт глумливым.
Ты тоже клянешь Оголу,
сестра моя, Оголива?

Огонь разводишь под вечер —
я гнев Его не утолила.

Ну что ж, зови, я отвечу
на голос твой, Оголива.

...Кури на высотах смолы,
пой ночью у вод залива —
ты пьешь из чаши Оголы,
сестра моя, Оголива.

* * *

По памяти прикосновений
пытаюсь воссоздать лицо,
которое сегодня не узнала.

Рука скользит по зеркалу, и мало
надежды на иссеченный резцом
край рамы зеркала.

Сказавший «veni»

наверное, продолжит: «vidi» – фраза
не прежде кончится, чем жизнь -

рука скользит, я отнимаю руку,

пока еще возможно отложить
конец движения, пока упруго
течет стекло под пальцами,
а в нем
мое лицо над отраженным дном
не изменилось навсегда и сразу...

Когда рука коснется рамы,
как если бы коснулась двери,
я постучу и попрошу пустить.

И я скажу, что я пришла с дарами,
и пусть мне воздадут как всем – по вере
чего мне ждать, мне глаз не отвести!

Рука скользит с угла и до угла
я солгала бы, как всегда, как проще -
но жизнь остановилась у стекла
и не стучась, уже вошла наощупь.
Но взгляд сошелся – вечность утекла
легко меня от слова отлучая
скользнули дни, не составляя лет...

Но взгляд сошелся, я не различаю:
жизнь не решилась, или жизни нет.

* * *

Ночь – она и всегда-то была беспокойна,
а ночи здесь и вовсе ни на что не похожи,
а то еще туман – хоть отводи рукой, но
не тут-то было. И хоть бы один прохожий.

Ко всему тому – этот город, такой чужой,
что, конечно, он должен быть обманом чувств,
как и любой дом, где огонь зажжен
в окне, в которое я не постучусь.

Пожалуй, только снег признать могу,
галочки крестики на снегу,
скользкий асфальт, зависть паркетных зал —
да еще собачьи глаза.

Но асфальт подходит к дому, в котором свет зажжен
куда, как я уже сказала, мне хода нет.
Во дворе, где живет собака, снег под окнами желт,
и свет как снег – на что мне такой свет.

И значит, остается только снег,
да кресты – неловкий птичий разбег,
одна звезда, оттуда, издалека,

да еще, не забыть, река.

Но галки по ночам спят, а ночь – вот она, ночь.
Звезда, хоть и не спит, да дороги к ней не найду,
ветер ворошит снег, потерявший душу давно,
во сне, в ночь, как падал, засыпая на лету.

Подведем итог – итак, река.
Помню дворцы по берегам
и шпиль в огне, силуэт в окне
и еще один – на коне.

Как ни странно, река действительно есть
в этом городе, которого или быть не должно,
или мне здесь не быть бы – это уж как ни расчесть,
выбор неважен, лишь бы что-то одно.

А так как и спор долог, да и тема смешная,
то к реке – а здесь это уже не в счет.
Берега обманут, но воду, несомненно, узнаю,
и если ошиблась – течением перенесет.

* * *

Заглушила ночь
шорохи,

не ходи гулять далёко от дома —
там и серый волк бродит,
и черный волк рыщет,
и белый волк за ними – сторонкой.

А за полночь
на крыше
соседнего дома,
того, что напротив
то ли снег лежит ворохом,
то ли белый волк притих, смотрит.

Уйти бы мне из города,
уйти бы мне далёко в степи,
дойти бы мне до леса
да только белый волк смотрит,
и серый волк рыщет,
и черный волк тут где-то.

Со свечой до света
досижу – колеса
грохочут
тоскливо, не ложится в постели,
а там все белый волк рыщет,
и черный волк бродит,
и серый волк здесь же,

до утра далёко...

Пейзаж с ангелом

От времени, времен и полувремени
Остался час на долгую прогулку
По узкому сквозному переулку
Между домов, пригнувшихся под бременем

Ушедших лет, состаривших хозяек,
Присыпав пылью их густые косы,
Сменявших зимы, весны, ссоры чаек,
Пожары, пьянки, снежные заносы.

Случайно сохранившийся пустырь,
Еще щедрее наделенный пылью,
Как шубой с плеч соскучившихся лет —
Давно забыл сиянье эполет,
Стрельбу, кокарды, патрули, посты...
А ты принес сюда сиянье крыльев.

Как гонит пыль... Прикрой глаза рукой,
Сними с крыла травинку пустотелую.
Здесь до сих пор горят «за упокой»
Все свечи на ладонях тополей,
И к пальцам льнет зеленый вязкий клей...
Ах, юнкера, надежда наша белая,

Недолгий цвет на наготе полей!

Так значит, час. И то, тебя знобит.
Уже недолго, день клонится к полдню.
Ты здесь родился, или был убит,
Прости меня, за давностью не помню.

В тот самый год, в те первые, далекие
Бои – беспечно, чуть не веселясь —
Вы все уйти успели, наши легкие,
И только нам предъявят векселя.

Припомнить бы, как начиналось... словно
Вода... Река... конечно, берег пуст...
И время? – Третий год правленья Кира.
И там слетело клятвой с чьих-то уст
И тяжело упало, как секира,
На нас одно неслыханное слово,
Полвремени нам бросило в забаву,
А что-то между тем стряслось с душой.
Мы переняли – по живому телу,
По головокружительному праву!
ликуй, мудрец полуденных пределов:
Предание, как никогда, свежо.

Мы переняли, но напев стал хлесток —

По нашим зимам и такой хорош! —
В метель колдунья шла на перекресток,
Полой шубейки прикрывая нож.

Дойдя, швыряла в клуб летящей вьюги —
Ты знаешь вьюги в наших-то краях!
Услышав стон, тянула к снегу руки,
И сталь была в крови по рукоять.

...

Четыре ветра встретились над водами,
Четыре зверя встали из воды
И получили сердце человечесьё.
Мы опоздали: там решилась вечность,
К концу полувремен легли следы,
Да с неба, за ненастными погодками,

Не разглядеть, как по лесам вдали —
Обманки, змеи, еретички, Лесбии —
Жгут огоньки и чертят круг хранительный,
След вырезают припасенным лезвием
И пришивают шелковыми нитями
Навечно души на подол земли.

А мы б и так вернулись в эти странные
Просторы волчьи, к искрам на золе.
Послов на небо не пошлешь, сестра моя,

Спросить, что приключилось на земле.

А и дошли бы – нашему послу ни царь,
Ни Бог не скажет, кто из нас правей.
Но что тебе, что мне с того, ослушница
Славянских расточительных кровей!

Ведь мы еще не разочлись погонями.
В дурной крови, и злобе, и болях
Придем, как были, пешие и конные,
У всех у нас один разбитый шлях...
Но этот мальчик с первыми погонами —
Зачем он здесь, на обмерших полях?

Иль уж сошлось – смиренными молитвами,
Да свежей кровью ведьмы-оборотенки,
Да что, сестра, про черный день хранила?
Да белыми, без примеси, палитрами,
Да поминальным плачем матери-родины,
Да несусветным бредом Даниила

Все вместе мы завязаны, запроданы,
Твои, ворожка, хвастайся уловом.
А не иначе, зелье приворотное
Ты заклинала тем бесовским словом!

Давно ли им и ангелы грешили,
А маги приручали бесов юрких —
Что отречься, все ему служили,
И даже ты, и даже ты, мой юнкер.

...

Однако, на пространствах пустыря —
Ах, мы забылись, ангел, мы забылись,
И к лучшему: болотные русалки
Нам предлагают только память — были
И посильнее заговоры прежде,
Ворожки их обходят — и не зря.

И если вспомнить, их лишь раз писала
В пиршественной палате Валтасара
Рука — не мужа ли в льняной одежде? —
И перевел их Даниил. А впрочем,
Тогда он звался именем царя,
Которому бесславие пророчил
И царство, отошедшее чужим.
Не будем повторяться, Саломея.
Что нам с тобой делить в моей глуши,
Где все мы родились под знаком Змея,

Где всем однажды снился Назарет
И по власам стекающее мирро.
Как жить, сестра, прикажешь в этом мире,

Где больше мы не сможем умереть?

Что посулишь – ведь цел еще сосуд,
Тот, с узким горлышком, для благовоний,
И помню я, как купол пел и камни
В малиновом плывущем перезвоне...
Но ты права: мы не пойдём на суд
К Христу со стен капеллы в Ватикане.

Нам дом забыть и жить в земле любой,
Вместо берез глядеть на кипарисы,
И никогда не слушать литургию,
И положиться на твои капризы
Все легче, чем увидеть над собой
Всю в розовом, изящную Марию.

Но можно ль доверяться мастерам,
А их созданьям? – упаси нас, Боже,
Уж потому хотя б, что их игра
С Твоею так пленительно несхожа.

А нам, донесшим до слепых снегов
Жуть и восторг: ах, как она плясала! —
Чему нам верить? Менее всего
Посланьям обратившегося Савла.

Но им, ее братьям, играцам,
На наши страхи отвечавшим смехом,
И не выдавшим Твоего лица.
лишь знавшим, что скитался голос Твой
Улыбчивым, неуловимым эхом
В лесах, пожалуй, где-то под Москвой —

Нет, кажется, в провинции, под Римом,
Флоренцией, где до сих пор в окне
Тот, кто писал Марию на стене
Забытой Богом, проклятой капеллы,
Достойной быть пристанищем сибиллы,
Где обретали плоть неповторимо
И так непоправимо обрели
Шесть дней творенья, книга Бытия
И люд, пришедший от краев земли
В какие-то престранные края...

И подивись, как точно рассчитал, —
Ах, как он лгал, он чувствовал, безбожник,
Что там, в Литве, непризнанный художник
Всю жизнь потом о Риме промечтал, —

Им верим. Да случилось и со мной
Два раза или три – во сне, в болезни,
И помнится немного: спешишь,

Сухое небо, душно, ни души
На всем пути... пруды, ступени лестниц
И все шаги как будто за спиной,

Не более, не боле, ангел мой.
И то мне странно: что мне Галилея,
Пески, Ершалаимские пруды?
А в северной Венеции сады
И ночи, ночи крыл твоих белее,
Как снег зимой, как легкий снег зимой.

И ты ведь помнишь, я была не здесь:
Почти как ты, пожалуй, чуть подальше
От этих мест, от этих милых мест.
Мой ангел, я их помнила, и даже

Что небо там – подобие слюды,
Что сон Невы насторожен и чуток,
Еще двух сфинксов – царскую причуду
И между них ступени до воды.

Еще дожди, которым не отмыть
Египетской, пропахшей солнцем пыли,
Еще друзей, с которыми любили
Сюда прийти до наступленья тьмы.
Здесь, на ступенях, времена почили —

Полувремен коснулись только мы.

Здесь место нам, и разве мы не скрыли,
Как близко нам случилось быть к концу,
Как падал снег до всех краев земли,
И что в руках по небу пронесли
Две женщины – и ветер бил в их крылья,
И волосы хлестали по лицу...

Мы здесь почти не жили. Не спеши,
И сам пришел сюда ты не за тем ли?
Вот лист летит, и вот другой лежит,
Листья шуршат, в них тонет свет и земли.

Пик листопада, день всегда прошедший,
Пропущенный, поскольку – выше сил,
Как тот, второй из датских сумасшедших,
Нас безрассудно прошлым оделил.

Мы не уйдем. Если уйдем – вернемся.
Мы здесь почти не жили. У воды,
Как ты, сложив ненужные крыла,
Увидим – по реке плывут листья.
И у ступеней, где вода светла.
Свои увидим лица. Мы вернемся.

И снова заторопимся – скорей —
Опять уйти, или еще стареть
С теми, кто плачет – или с тем, кто платит
За белый снег, за белый шелк знамен,
Не все ль равно – и до конца времен
Всегда нам полувремени не хватит.

Теперь прощай. Октябрьские дожди —
Не лучшие свидетели беседы,
И этот вот надолго зарядил,
Дай Бог, чтоб завтра кончился к рассвету,

А в вышине – все, что нас так влекло
До слова, до начала мира – воды.
И ангелы ложатся на крыло
Там, в небе, уходя от непогоды.
1979

Долина тенет

Апокриф шестого дня

«...это первая жена Адама, Лилит.

Берегись коснуться ее косы».

Гете, Фауст

Все с тем же вызовом: ценою жизни – ночь?

она одна —

здесь – и в верховьях Нила

здесь – и в полях Иалу —

тьма от дня

не тьма от тьмы в начале отделилась

так вот о тьме:

не ошибешься, дочь

отдав в рабы

и сына в Рим, на милость

врагу, которого ты не сманила

как не прельстила, думаешь, меня —

нет, отчего ж?

точнее опиши

ты продолжаешь опыты, царица,

с отрав для тела к ядам для души —

посильный путь,

чему тут удивляться
но не скупись, иль нам не сговориться
а будет жаль —
что мне за жизнь цепляться

Клеопатра:

*Если ночь одна, то моя ль вина —
мало ль я их видала, ночей!
Свет тебе не мил – подойди, прими
дар из рук – отраду очей*

*из чужой земли раскаленных плит,
и какую ни тронь – огонь
что в ночи разлит, ночь в тебе болит
ты сестра моя по Лилит*

*...и глаза утонули в зрачках – далась
тебе мука – теней длинней.*

*Соглашайся же: меняю на власть
над тем, что смерти сильней.*

*Иль подарок мал? что даю сама —
тверже стали, звонче монет
после – хоть сума, но сводить с ума —
перешло от нее ко мне.*

*От крыла ее до крыла ее
тьма нежнее и дольше рек
свят, силен иль бос, кто коснулся кос —
затоскует по ней навек*

*и петлею крепче горло стянуть
не сумел бы — она ж чиста
все пропало, и будет его тянуть
как убийцу на те места*

*где убил — и прочь — так и канет в ночь
но на ночь и на смерть — навек
на него сошла от ее крыла
тьма — нежнее и дольше рек.*

*Уж таким не жить, на судьбе лежит
свист клинка да погони храп —
так и тем троим — по снегам твоим
наши тайны разнес арап.*

Так вот о чем ты. И огонь палящий —
всего соблазн?
ты шутишь, госпожа!
Всех ласк твоих и губ им было слаще —
им, всем троим —
предчувствие ножа

к тому ж, дороже ценится душа,

ведь ты по душу?

Чаровница душ,

что проку в лишней? вечная ошибка.

Того гляди чужую не добудешь,

а верной не дочтешься —

и кому ж,

и знать, как не тебе:

ведь ты не будешь

мне лгать,

что перепутал летописец,

что не твоей рукою предан муж,

другой не помогла ее улыбка

и изменили чары

и всерьез

пришлось решать, что легче:

утопиться

довериться ли стали

или яд

ей предпочесть — я с выбором согласна

а ты его проверила,

напрасно

не тратя вздохов, времени и слез.

Шутка ли смерть! и чтоб не ошибиться,
пришлось их все пересмотреть подряд
что было б сложно для меня —
царице

земель Та-Кем, Изиде во плоти
достаточно приопустить ресницы,
повелевая в древние темницы
доверенному евноху войти.

Он выберет легчайшую —
легка ли
легчайшая?
так если верить байкам
знакомца старого козла силена —
ты зависти достойна —
а ему

я склонна верить: все ж он бог
иль вроде
того
и если нынче не в почете
родство с ему подобными —
тому

не он виною —
времени и тлена,

забвенья, на худой конец,
уйти

не так-то просто. Сколько искали
тайн вечной жизни,
есть она – бог весть.

О прочих же —
из нас двоих пристали
вопросы мне лишь
(здесь уместна лесть,
которой не чурался и сатир)

Порфирородная!
почти Латона —
непомнимая мать Аполлона стара —
ты тоже солнце родила для трона!

(...дороги солнца, как и все прочие тогда, вели в Рим)

Но повтори имя... да что я – имя!
его обронили халдеи, а то иудеи —
кто б еще назвал ее так...

Лилит —

лебединая пена, лилейные плечи
а плачет —
плакучая ива и та не умеет, не смеет —
о чем бы так плакать?
а ветки все плещутся в водах,
а воды все плещутся в ветках
о, вечная лгунья —

Лилит!
пролиты все ливни, все слезы,
сошла ты с ума, Лорелея —

как не надоест?
и участь сирен не смущает:
а что как найдется какой ни то блудный Орфей?

Моя госпожа – о, давай говорить об Элладе!
Щекою припасть к изголовью предложенной плахи
успею и после – успеем и после – о плате,
расплате и прочем, и спрячем
глаза друг от друга.

Что ж, можно по печени птицы гадать —
но верней – по полету.
Палаты снегов моих благоприятствуют стуже
и памяти – речь разбежалась на нежные всхлипы,

на кружево пены и мраморный город,
хранивший Палладий

а пролисты ветра – а пролисты ветра
и кружатся галки —
вот поговори тут. Нет, право, у нас предпочли бы
гаданье по печени: все же рукам теплее.

Но ты их видала? они и до нас добредали
но позже... припомни! – но им не твоя красота ли
глаза помрачила – глазами встречаться не должно

ведь здесь – ее вотчина, долгая ночь, ее имя
и звук не слетит – даже если – само отлетанье,
и пролисты ветра, кружение птицы —
Психея...

Итак, до тебя не дошло, тем более нас миновало
уж если жрецы позабыли – монахам совсем не к лицу
о ней говорить или помнить —
и гостя не к месту.

Всего от мирского, что молятся утром – Мария!
а слог обрывается – море...
окончат – Мария!
всего-то греха – какие уж, право, забавы.

Того ей и надо
неназванной – значит, незванной
неузнанной – значит, желанной,
не так ли? – соблазну

а это нам ближе, ах, это нам ближе – и имя
от века дано: не высший ли грех – отделиться,
отпасть от народа? от Бога? – а впасть
куда? – о, поздние дети Эллады
о, пасынки Сарры!

И пролисты ветра, кружение птицы – Психея!
Отверстые хляби, от века беглянка – Лилит!

Клеопатра:

*Лилит – вольно ж нам имя со своим мешать!
Стели – чужие жизни – как бы – дым – под шаг
стелился дым над горями доньне от веку
вели – судьба ли, горе ли – я отвлеку...*

*Гуляй, сестра моя, моя душа —
оглядываться рано нам – не оплошай!
Карай – и милуй, мне ль тому мешать,
бросай – чужие жизни как песок – под шаг.*

Проверь – превыше славы самозванства срам
правей нас – поискать и не назвать, сестра —
Адамова родня – гори она огнем —
в рода наши заказана печаль о нем

Любить лишь тьму от крыл ее в любых глазах
ловить лишь след от слез ее в чужих слезах
ловиться в сеть волос ее – и не шутя —
молиться довелось нам ей – в чужих сетях!

В том, что они непрочны – нас обвинят
вторит нам крыльев прочерк – прочь! – и для меня
из Нила многоструйного – в пляс – струя:
дразнила изумрудами глаз – змея!

В прахе виток, другой, рука – вслед и в дрожь:
ах, как литой у локотка браслет хорош!
Ах, как судьба смеется – и как на грех
в зрачках змеиных вьется все тот же смех

Тянет – так тянутся облака – только б на них смотреть
так не тянулось к яблоку в оны века сестре
пленена – и что за беда, разве я – чья жена?
С племенем жалающих вражда мне не завещана

Не оттого ли со дна зрачков или со дна веков —

или на дно скользят, в полыньи древних очей – мои?
Чем ни случилось дорожить, не держит следа вода
но им отдавала б жизни – и жизнь – и столько чужих
отдам!

...

Итак, договорились: не теперь,
не тороплю – поздней, когда захочешь
а что захочешь, мне тому порукой
мой опыт – я прекрасно выбираю
ты к этому была близка сама
и плата хороша —
не обессудь,
что делать – надо как-то развлекаться
а впрочем, привыкаешь ко всему.

В чужую смерть игра – не из последних
но думаю, прискучила б и эта
когда бы не нелепая надежда,
смешная мне самой.

Со дня как я
покинула дворец, столицу, царство
и двойников своих (и одного
видали в полированной пластинке
литого серебра, любимой мною,
другого унесла с собой змея

из тех чернильно-черных узких змеек,
чей яд надежен, быстр и милосерден
и ловят их на отмелях реки) —

Лилит не возвращалась.

Что сказать —

*мои догадки неправдоподобны,
но если я случайно угадала,
но если предпочтенье — не пойму
чем эта жизнь важнее многих прочих
моей теперь, хотя бы — но тогда...*

Тогда за мной пошла рабыня — эта.

*И надо же ей было заглядеться
на отраженье глаз Лилит в моих
а это смесь смертельного закала
двоятся чары и двоится жажда
и что могла бы думать о причине?
так беспричинна лишь душа души.*

*Мои догадки неправдоподобны,
но чем другим пристрастье к человеку
прочнее многих прочих, как не тем —
тем ли что безнадежнее?*

*мой бог, но как легко она переступила —
так бы — через порог родного дома,*

и может быть, нашла его – как знать.

*Мне спрашивать рабыню не пристало,
да и к чему бы – но ее дорогу
следовало попробовать: сюда
вход легок для любого, вот уйти...
никто не гонит, но никто не манит,
и если это называлось раем —
благословенна Ева...*

*Мне подхватить бы твой рывок на взлете
и разойдемся: ты своей дорогой,
и я своею – если есть дороги
там, где ты будешь, там, где буду я.*

*Все прочее – игра уже попроще,
и мы в нее сыграем: загляни
в мои глаза – и глубже – если я
права была, назвав тебя сестрою,
то взгляд Лилит со дна моих зрачков —
подобное привлечено подобным —
поднимется и отразит твои
и отразится в них.*

*Тогда цари! превыше диадемы
и слаще власти, заключенной в ней,
повиновенье душ и судеб – кто бы*

противостал – ты носишь взгляд Лилит!

*А это смесь смертельного закала —
двоятся чары и двоится жажда
но берегись зеркал, воды проточной —
всего, что бы сумело обратить
твой взгляд в себя.*

*Взгляд связывал – стекло освобождает
конечно же, здесь подвернется змейка,
клинок, вода ли, мало ли еще
что пригодилось бы тебе для смерти.*

*Не тороплю – но видеть ежедневно
след ее взгляда из чужих зрачков,
но ежечасно – нет, я не ошиблась,
тебе мила извечная игра —
о, зеркало – скользкая забава,
тебя к нему потянет, и тогда...*

*Наш договор тогда и совершится:
кто выносил свободный взгляд Лилит!*

мне же – рывок твой подхватить на взлете...

*...облачный столп в пустыне и огненный столп в ночи
поколенья блужданий в песках, где каждый уставший чист
омытый песком – ибо отступилось море твоей страны.*

И каждый ушедший был званым – один был избранным

Или – один был позван по имени и названо имя ему.
Отравительница – опои и меня веками песков и смут
раствори маргарит в этом вине и вели – пусть нальют
... «Или, лама савахфани» – кто позвал Илию?

Так же – хочешь ли? я позову Лилит – мой ответ, раз моя
вина

жемчуг у губ: допила до дна – но откликнется не она
ибо мне ведомо скрытое от всех, от ночи шестого дня —
имя рожденной в ночи – Господи! о, не оставь меня.

Остановись на первом дне

Лилит

идет вратами рая.

Из долин

пахнуло сыростью, взлетела птица.

До рая, до Итаки, до...

цари один!

пусть не со мной случится

смерть...

Но так ли уж долго я ищу свою нильскую змейку —
тебе не к спеху, царица, а я выбираю
может, так: образа, и под образа скамейку —

просто живут на Урале, проще и умирают.

А перейти за Урал – а там уже Азия,
а там по кочевьям такое в пыли непролазной —
тебе и не снилось, владычица зеленоглазая.
Тебе, египтянка, не снилось – а я родилась здесь.

И перейдя за Урал, в одном из татарских селений,
и добрые люди подскажут, в какой из халупок —
к ней и пойдём, побредём по полуденной лени
в пыли по колени, не скучно со мной, голуба?

Дверь толкну, а внутри темно – травы, ветки ли
с потолка да по стенам висят, в пучки связаны
а хозяйка стара и глядит неприветливо —
мне что, мне первой разве было сказано:

«От детей ли отнять да бросить псам?»
а как себя назвать, догадайся сам
живи в своих кровях или сдыхай пойдё
и что ответить, кроме – так, Господи!

...а лицо Его темно, хананеянка моя,
а дома дочь все что-то кличет, безумная
не до гордости в горе – произнеси
что сказалось: «так, Господи, но и псы...»

Преломлявший хлеба, как твоя оскудела рука
или земли сидонские дальше других от небес,
что даешь не по боли, даешь не по скорби – а как
и собаке не дал бы, в дороге приставшей к тебе.

Она взглянула на дверь – привела кого?
на меня взглянула неласково,
душно в горнице от сухой травы.
– А чужих не лечу, иноверцы вы...

А лицо ее темно от лихих годин,
и что сказать мне, кроме – так, Господи!
я помолчу, скажу ей – погоди,
вера разная, мать, – Бог один.

Лгать легко, Хармион – как горшок абрикосов принять
второпях еле вспомнить: «мой дом да минуют напасти...»
Дверь в покои прикрыть – и (ах, как браслеты звенят!)
вызвать, вызвонить змейку на руку повыше запястья.

И минуту спустя ту же струйку пролить на свою,
поднести свою руку и ждать, и опустится темень.
А минута на то, чтоб взглянуть (я клянусь, и в раю
не поют херувимы, как здесь вам браслеты споют...)
– хороша ли царица Египта в своей диадеме.

Он твой, тот звук на полпути к Эдему —
и это не цепей – запястий звон.
Сюда идут. Поправив диадему,
себе самой: «прекрасно, Хармион!»

День оборвется ранее чем должен,
но выбери – и хватит за глаза —
от всей земли, на все века и дольше
здесь – диадему в мертвых волосах.

Она открыла коран, мне налила настой
я что-то странное помню из книги той:
что больше Бог того, чтоб у него был сын.
А мне все слышалось: «Господи, но и псы...»

– Сейчас уж поздно, ночь
с утра пойдем искать.
Болезнь я знаю, дочь —
это она, тоска

вокруг тебя что цепь
и ты в ее руке...
она уходит лишь в степь
да вниз по реке.

Я верю, тебе ли не знать – что ж, веди за курганы,
откуда пришли узкоглазые люди, и скот, и повозки...
В мае, если тепло, по степи зацветают тюльпаны
и другие цветы, попестрей, кукушкины слезки.

И если солнце не сожжет в золу
прежде чем бросить их дождям и пургам,
так пахнут волосы и кольца лун
в Азии, в степях за Оренбургом

другой весной, когда сойдут снега
а солнце не зайдет и сгубит зелень...
так пахнет – ты права – моя тоска.
Но говори же, как готовить зелье.

Я еще не решилась, моя госпожа,
не решилась —
излечить от тоски —
отчего бы и не
излечить от души...
взгляд, движение прочь —
полет —
отлетает душа... отлетела...
начинается жизнь в райской стране.

Окажи милосердие, Боже, и не награди меня прошлым.

Но другим, как Иова – будто бы можно – другим
взгляд следит за движением взгляда...
движение прочь —
бесконечно
отлетает душа, не умея совсем отлететь.

...красную глину лепили в круге восьмом, ров четвертый
числа причастности нашей указаны дважды и трижды
белые ангелы глину несли под пальцы господни и вежды
в солнцеворот, и в тороках у них – вёдро

хляби заключены ибо солнце полезно для глины
круг гончара придает ей форму и память движенья
...лотова семя, отверженцы, лотофаги!
память древней послушанья,
длиннее чем длинный
путь до Сигора и кровосмешенья...

Жест оборота кончается в левом плече,
поближе к сердцу и смерти
так, госпожа, ближе к сердцу и смерти
кончается память
черт ее не разобрать
в крылах ее ветер – Психея...
глина звенит, высыхая

Так зародилась тоска на отрогах Эреба
Агнец глядел на Иова, первенец стада,
первенца не искупивший...
будто бы милостью божьей искупается память!
будто бы память – не вольная райская птица

будто в глазах моих что-нибудь кроме
движения – прочь – отлетанья
...жар-птица перо уронила

Жест оборота кончается смертью и жестом руки:
разрешаю —
хляби разверзлись
лотос зацвел под стопую Лилит
у стигийских истоков

...лотос необязателен, впрочем – важно отречение —
сопроводить причитанием путь лепестков —
приготовим напиток, смешаем —
красные – на ясный день
белые – на белый свет
легкие – на легкий сон,
на легкий век – так кончится память
смерти не будет – здесь она изначально.

Только не оговориться —

память опасней змеи у запястья,
зеркала – двойники ее и воды ее должники,
ибо ей подменилась душа красной глины
в круге восьмом, ров четвертый —
по отлетаньи души

...лепестки облетают в зелье
по мановению кисти
холодок у запястья —
что вспоминалось рабыне твоей, госпожа?
что вспоминалось тебе, Хармион?
мне бы, наверно – тюльпаны, степь и цвета ее...

Красные, как кровь – как кровь из вен,
если вовремя ей дать пролиться
как созвездья пентаграмм в столице —
вот насмешка – на кремле, в Москве

белые, как снег по пустырям,
соучастник ворожбы и воя,
как в июне ночи над Невою —
как зола – когда они сгорят

легкие – не легче забывать
о местах где ни земли ни тверди,
где пройти одной подобно смерти —

где случилось все же мне бывать...

...

О, я говорила – память опасней змеи у запястья
змеи голубого Нила, черной змеи.

Я говорила – не пытайте причастием
плоть красной глины,
солею молений ее и слезы у соли

Ты почти одолела, моя госпожа —
жест оборота кончается в сердце и смерти
измерь

руку повыше кисти,
змейку на зарукавье пожалуй
...лепестки облетают листья цветов
старуха жалуется

все бормочет о сердце – оно у меня не болит
ни к чему сокрушаться, а лучше свое пожалей-ка
пахнет яблоком...

нет, показалось, здесь солнце сады опалит
это ветер к утру посвежел
– в добрый час, дочерей же Лилит
соблазняют не яблоком, сами они соблазняются змейкой

– Четверых схоронила, пора и честь знать
да гнетет меня сила, а кому отдать?

пришлась ты по сердцу, ты знаешь цвет травы
да тебе нельзя – иноверцы вы

...а что лет у нее за плечами!
я отвечу ей – не печалься,
что на себя возьму – то и моя вина
вера разная, мать. Смерть одна

...
Пахнет завязью яблока —
с древа жизни, душа моя
с древа жизни на этот раз
– искушаю
ибо взял Аллах себе сыновей
нам отдал дочерей,
дочь не-знаю-чья
бегство шестого дня и прочих дней
твоих вспоминаю
и бегство шестого дня и прочих дней
– майя, душа моя,
– майя

Я окликну – и стань за спиной
это земля страстей моих тобой забыта
а ею ты выдана головой
– и заглянем в напиток,
и кто кого,

пленница красной глины, и кто кого
– заглянем в него
когда я окликну

И испробуй яда, душа моя —
неужели нет?
жест оборота тебе, душа моя
пристал, как лота жене
жизнь оборота
и лотос – власам дочерей ея
да и время – предавшая, ничья —
и все же душа – и испробуй яд
– Психея, Лилит, душа моя – Тригия!

пахнет завязью яблока
в круге восьмом, ров четвертый —
земля моя, красная глина —
чем не место для жизни —
но место разве для жизни?
ползут облака в степь —
от горизонта, и до горизонта, и за...
что видно на водах?
...яблоко, душа моя, яблоко и змею
(должники моей памяти – воды...)
напиток близок к брожению
...

а когда он забродит, слаще не будет отравы

и желтые луны взойдут над степью

(и взойдет к ним собачий вой)

как сухие травы из-под стаявшего снега, как сухие травы

и волосы – только плети той же травы и пахнут той же

травой

26 апреля 1981

Светлое Христово Воскресение

Примечания

47 Диалог с Клеопатрой:

«ценою жизни – ночь» – см. «Египетские ночи» Пушкина,

ссылка на Аврелия Виктора; принцип обмена: на жизнь.

Поля Иалу – поля блаженных в загробном мире египтян.

«наши тайны разнес арап» – см. «Египетские ночи»,

«Мы проводили вечер на даче»

«а ты его проверила» – Клеопатра, предчувствуя поражение Марка Антония, заранее выбрала легчайшую смерть – опытным путем.

«ты тоже Солнце родила для трона» – сын Клеопатры и Марка Антония – Солнце, дочь – Луна.

«они и до нас добредали» – греки; жрецы, возможно, до Египта, монахи – до Руси.

«Или, лама савахфани» – Боже мой, для чего Ты Меня оставил? – см. Евангелие от Матфея, гл. 27, 46–47.

«Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он».

Хармион – рабыня Клеопатры, разделившая ее смерть. В горшке абрикосов была передана змея.

Круг восьмой, ров четвертый – прорицатели, см. Данте, «Божественная комедия», Ад.

Долина тенет¹

Подальше от глаз, но ближе к реке.

Как трава растет по степи – бог весть,

этой нельзя рисковать —

но подальше от глаз чужих, отпить

из реки – и прочь, за холмы, где цвет

ей давать, мне – принять в ладонь, поднять его на руке,

а ей —

семенами ветер рисовать,

когда он стих —

¹ Навеяно книгой К. Кастанеды «Учение дона Хуана: Путь знания индейцев-яки».

и по ветру пускать их.

Но прежде корни добираются до воды,
корни влечет вода. Припомним —
не у самой реки:

корни должны быть длинны – да
и место открытое – дол. Исполним
движения танца, как заведено,
а кто заводил —
бог весть – и берегись,
не увидел бы кто.

Прислушаемся... нет, это поток,
шумит поток.

Потом, пока чертов дикий цветок не дорос до воды,
до подземных вод, водою реки приручим его
– как раз время
и будем с ним говорить – вот
я и говорю: из набегающих волн
не выбрать одну, и значит, напрасны труды
а чертов дикий цветок, чертово семя
слушает, и хоть бы листом шевельнул вопреки,
напившись водой реки.

Теперь, пожалуй, пора ознакомиться с окрестностями
растения,

как-то: другие растения, камни – холмы и река
заклучают собой пределы,
следовательно, в окрестности не входя. Помнить
необходимо также, что ветер доносит вороний карк
чаще с реки, чем к реке..., что тени
холмов тоже при деле —
приносят ночь, удлиняясь к востоку,
к реке, увлекаемой голосом, как глухарь на току.

В чаше холмов, в окрестностях лотоса – чертовой лилии
подобные ей цветы ожидают ветра и осени,
переносимой по ветру семенами
чертовой лилии – следуя по направлению ветра, считая
кусты чертовых диких цветов – последний из них
замыкает поля владения. Далее
их можно продолжить во времена
ветров, обозначенных семенами, стряхивающими сурьму

если будет кому.

И наконец, камни, вечные соучастники происходящего,
чья плоть истоньшается так медленно, что плач по душе
преждевременен,
казалось бы...
действительно, вслушаемся в камень... длинное
молчание, пересекаемое длинной трещиной

в камне – движение вдоль нее – ящерица...

вслушаемся в плач молчания, в жалобы

почти бессмертной души и плоти о смертной душе и плоти

ти

вздых камня, трещин его крестовая карта – эль лагарто.

Разговор с ящерками заведем во время цветения чертова

лотоса

когда цветок его поднимается на ладони к лицу,

склоненному над ним – будем настороже, пока мы

говоря с цветком, не заметим игру солнечных брызг –

огни

слюдяных осколков, зеркальных вкраплений в камне —

и ящерицу,

притихшую в тени камня.

Тогда, не изменяя голоса,

обратимся к ней, а она разнесет по родству:

здравствуй —

– предложим ей хлеба, испеченного нами на углях

на золе гибкой зеленой плоти с примесью

прошлогодней плоти чужого цветка:

не мы начинали игру, за то и платим

бесплодьем побед своих – а ну как простят, не примут

долга, как часто бывает – а ну как...

смейся, звереныш, мы подыграем в свой черед, тени в уг-

лах

губ не помеха – тень выйдет в тень
чужого камня во главе угла наших стен.

Стены наши, впрочем, сложены не будут, утешимся тем,
а тогда не все ли равно, что во главе угла —
преломим хлеб и предложим хлеб, продолжим речь —
чертов дикий цветок ящерка обежит теневой стороной,
слева зайдет – тут и следить уголками глаз
пропавшее тело, тень ускользящей плоти и тень
остающуюся – с этого дня и впредь
ящерицы хлеб будут есть с руки
близ чертовой лилии, в чаше холмов у реки.

Поднимается ветер —
время ветров и время медленных вод
рвется невод
из рук ветра – видно, попался в сети
тяжелый улов.

Сроки приспели – осень
воды и ветер добычу влекут – тяжело
чертова лотоса
семя нести ветру и водам, и бросить
нельзя – опустить!

И осторожнее —
небрежности чертов цветок не простит
во дни крестин
никому, тем менее ветру — непрошен
в долине любой

гость, кроме крестного —
птичьего ветра — да и тому дай бог
прянуть в небо
когда возлюбленный голос реки его
к себе призовет

не то обессилит у стебля
чертовой лилии, там и умрет к зиме
— плененный насмерть
ветер, семя сронивший, и будет недолог вой
осиротевших вод.

Но мы ведь здесь за одним и тем же, в этих благословен-
ных местах,

присмотрим же друг за другом — невелика и честь
ловцу — стать легкой ловитвой
на шабаше семян, где цепь холмов у реки — край света,
а на краю другом
прорвется к свету птичий спутник мой, и я оглянусь —
прочсть

долину осенних тенет, лица волений и нетерпений ее, как
с листа
с полета семян, и в самом начале свитка
будет сказано, что нам следовало идти на запад, на послед-
ний свет
на тени холмов, ползущие навстречу, путаясь в желтой
траве.

Предварим совет, и отправимся на закат.

Дождись меня у дальних холмов, не вступая в тень
холмов – здесь, в западне долины
прибегнем к несходству плоти, отбрасывающей тень, с са-
мой

тенью, к тому же неразличимой меж прочих тел
той же природы – не шелохнись, пока
тени цепляют воздух, утратив свойство длины.

В сумерки, когда тьма попирает небо, свет и источники
вод
и плоть – не от мира сего

незамеченными пересечем холмы.

В сумерки долина приводит тела к ночному подобью тел,
проводит тьму по течению до истечения света,
да и просто занята собой – уклад
сумерек на руку нам. В щель между тьмой и тьмой или
тьмой и тем,

что осталось от света, заслоненного плотью на подступах
тьмы,

уместим движение ветра

узкое – тени вытягиваются в рост, смыкаясь, проход раз-
мыт —

рвись по-ящеричьи, отбросив хвост ловчим пятой стихии
– тьмы!

Ушел. Но и там, где будешь – властью, полученной здесь

—
в доме бешеных солнц, черных песков и ветров, розы вет-
ров

– седьмым лепестком ее

– где песок принимает зыбучие формы ветра, сколь

– непостоянны ни будь они, с самозабвением, какого не
жди от трав

– где над ним проносясь, отражаешься весь

как тот, вечность назад, водами – о, где песок поет

капризы твои – проникновенней эоловых арф струн

трубы дюн на ветру —

счастье припомнится – погоней, игрой в прятки на тене-
вой стороне,

рукой тьмы на затылке. Осенью перелеты кольцованных
птиц

замыкаются местом, с которым обручены – к осени

вернешься в долину.

Во столько

оценим власть и соблазны игр тьмы – лиц не найти
своих и ее – их нет, колец обручения не найти, в долине

поздних тенет

тело по кромке ночи сведя на тень, тьма осенит
плоть, тем разрешая ее от пут.

Во столько оценим путь.

Утром долина совершает обратные переходы к состоянию
дня,

которые мы пропустим, вернувшись к полудню.

Затмение в глазах от всепроникающего света

отнесем ко времени его небытия, пусть

придется вспомнить полуденные страхи и плутни

полуденных бесов, коим отсутствие тени развязывает ру-
ки, сняв

границы меж светом и тьмой, числимой в нетях, и так
храня равновесие с перевертышем полуночи —
днем, по счастью, короче

время смещения тени по грани света на плоть.

Солнце выводит тень на свет, склонясь к закату

и пока склонность его не перешла границ горизонта
со вчерашним исходом ветра сверим

направление поисков пограничного цветка,

и между ним и первым, которым все началось,
выбрав третий, выйдем из долины на зов
реки – не прежде, однако
чем поговорим с ящерками у чертовой лилии – у своего
цветка.

Теперь подумаем о составлении смеси
сухих и свежих семян чертовой лилии, истолченных в по-
рошок

с клейким соком стебля; как обычно, вода и огонь
довершают приготовление мази. Оставив котелок у огня
займемся настоем корня: зальем его на вершок
водой, настоянной на цветах долины, на этот раз вместо
огня предоставим солнцу, держащему путь за горб
холма выманить верхние соки корня
в воду – к исходу дня

загустевшее варево оставив на милость сумеречных пла-
нет

и взвесь корня – с переменной воды – ночному воздуху,
поговорим о превратностях погоды.

Разговор не затянется, ибо предпочтения чертова лотоса
просты

и согласны с сутью оставшихся дел. По первому вздоху
неба, сходящего на звук и цвет из черно-белых немот,
расчисляема степень склонности чертовой лилии и даль-

нейшие ходы

игры (черные начинают и выигрывают;
на время; расписка кровью).

Чертова лилия

изъявляет свое благоволение ясным утром
когда трон
лилии долин невесомого воздуха осиян
лучами славы.

солнце предчувствует полдень

и – свет побеждает тьму, как сказали бы богословы
и сладко

обманулись бы тщательностью, с которой исполнены
арки тверди,

купола ее

и колокола. Следуя им, как «голубица, гряди»
затвердим

отражения в звуках голубой небылицы – плащ
– перевертыш

галопирующей звезды.

Ясным утром, когда на версты и версты
пейзаж – холмы да кусты,

трава и взгляд перебираются за стык тверди и твердой

земли под ногами

дела начнем,

удостоверившись в благосклонности чертова цветка.

Ненастье же скажет,

что связь наша с этой землей непрочна, и что дождливым
днем

ящериц ловить несподручно.

Впрочем, и это еще не повод для выхода из игры.

Смерть твоя улыбнется тебе, махнет рукой, белый цветок
в волосах

– романсеро – склонилась к реке

лицо ее в зеркале вод, по глади реки, как знакомо

лицо ее... в зеркале, говорите вы, в нарциссовых зеркалах.

В россыпях золотых волос лотос скрыть

прирученный водой реки, как казалось – а с кем

не бывало, мне до сих пор все кажется – смерть —

река, в которую смотрится смерть, и отражается – смерть.

Но я не верю в завтрашнюю дурную погоду

оттого хотя бы, что законы игры предполагают развитие
действия,

даже если игра – в кошки-мышки

и пожалуй, рано еще показывать кошачью прыть

пока я не почувяла воли, а воля ее не пустила яд

мне в кровь – да, но осени ждут по году,
не пропадать же году, и мне не собирать корешки
валерианы, скажем, для успокоения сердца —
и все оттого что яд в крови
меняет ее состав на травяные соки лотоса – назови

это иначе – смертью – что не изменит дела
Ничто не изменит дела. Чертова лилия, предлагая власть,
избавляет себя от не удержавших ее, а мы
позволим себе роскошь отойти ко сну, слез не лия
о выбравших путь, забредших, куда колея завела,
куда стрела залетела —
к чертову семени, к ящерицам, по-над топиями тьмы,
надписи с камня на распутьи не смыть, и пусть
будет, как есть, а есть – один путь, ее путь.

Жаркий день начинается цветом, пробившимся меж рес-
ниц

с настойчивостью доброго вестника; цвет бел,
расщепленный на брызги радуги
кончиками ресниц, дрожащий огнями святого Эльма –
вникать

в детали, однако, не время. Мимоходом заметим – дело
не терпит, и оно щекотливое – ловля ящериц,
а попробуй-ка взять их в руки!
заметим: чувство родства обоюдоостро,

им предвидимо и насылаемо вѣдро.

Вообще, ящериц поймать невозможно,
разве что в сердце долины, у цветка чертова лотоса
из тех, с которыми говорили мы
из тех, что придут к полудню на материнские глины
здешней земли, поднявшей цветок, бессменные камни во-
круг и сам

вдох камня, выпускающего на свет ящерицу, смертную
душу свою,

грешно

возжелавшего иной части в мире, кроме ласки солнца и
прикосновений

тьмы

– ящерицу, возвратившуюся к цветку, как ветер на круги
своя

ибо круги наши пересеклись и стягивают края.

Нам осталось попросить о помощи, которая и будет дана
двумя из племени – помощи, обеим сулящей вероятную
смерть,

то же – просительнице; как тут не вспомнить наречие
на котором «сейчас и здесь» читаемо как «нигде»² – и,
изменив

порядок (от перемены мест...) – не правда ли, смел

² nowhere – now, here.

народ, записавший «нигде» как «здесь» и «сейчас»? —
на миру нам и смерть красна:
заалелась, пытаюсь перевести усмешку беспечности. Но с

плеч

долгой, из сердца вон заботу. Камень подняв, натываясь
рукой

на режущие края,
возьмем заговоренную ящерицу; так же найдем вторую.

А думалось бы: сказать, что жизнь отошла – смотреть,
ангел за правым плечом. Так хоть смерть пытаться нам –
пытаться – о чем?

тень за левым плечом.

И в оба уха по шепотку, и оба они об одном
и том же, а вывод: слева не черт,
а тайный советник – смерть
и уж после того, как он уличен,
одна подошла и вошла в ладонь,
солнце в чешуйках – где ни живет огонь.

Ладони не сжать, не обожгись,
да на воду дуть – дуй. И им-то как жить, смертным душам
камней,

и каково – умирать?

Да камню потом каково – во плоти, глядишь, и выбило
дурь

о том, что вторая взглянет в глаза – о чем ей глядеть, о ней самой? О камнях? О том, что тьма искушает: «сгинь!»
что сгинувших – нас – собираем – рать,
а кто в ней – не разобрать?

И диво ли, что немного нас, добравшихся до утра.

Однако, нам не следовало бы путаться со словами;
заплутать в трех соснах легко и без помощи лешего.

Убедимся лучше, что очертания теней на прозрачном
солнце просты

как каноны игры двух ящериц, человека и чертова семени;
способ

ведения игр оставлял бы желать лучшего,

если бы время желать не вышло, если бы времени оставалось

не до поры пока тени утянут солнце за горизонт – протыть.

Скользнув, пропала, влилась в плоть камня, как умеет
ящерица

нечеткая память о том, что Господь знает наши сердца.

Волокно агавы,

шип чойи с продетым насквозь волокном

дополняют ночь

до набора фигур, ею же расставляемых по полю чахлой
травы,

по полю камня.

Солнце закатывается, вороний

крик долетает, должно быть, с реки, но сама река мне
не слышна – ко мне

обращено только напряжение времени, рвущаяся тетива,

которую тронув,

рывком ослабим —

больше не выдержит,

дольше не оттянуть объяснения с ящерицами; сладим
с голосом и проследим

уплывание звука, произносимого как извне, и не найдем

межи

между «извне»

и «внутри».

Внутри немного остается у дошедших до жизни такой, и

нет

цепких корней,

цепь разомкнута по трещине в камне, отделяя себя от нас,

и три

трефовые карты биты лилейной

однако, за нами ход.

Властью, разбросившей дол одной холстиной льняной,

собой плененной,
оправдаемся, и применившись к ночи, составим ей доб-
рый приход —
я и моя охота.

Взяв первую, попросим прощения и помощи,
то и другое скоро понадобится нам – займемся портняж-
ным делом.

Шипом чойи с волокном агавы, вдетым в него, орудуя как
иглой

зашьем рот ящерице. Мера странна,
чтобы не молвить большего – не молвим, смотрим жизнь
на излом

Потом, ящерицы разговорчивы, уйдет и ищи-свищи
кому рассказала узнанное для тебя, и с какой
стороны ожидать беды – или сколько там бед подряд
ибо спрашивающие ящериц не спрашивают зря.

Попросим ее пойти и увидеть за нас,
скажем, что сделали больно ей не по своей охоте,
но чтобы она поспешила вернуться к сестре
и не говорила с чужими. Про себя же подумаем: вольная
природа зрения ревнива к вольной природе звука, в том
и находим

объяснение правилу; если одна из них вовлечена
(как бывает, когда душа наша делает поворот навстречу

времени, и время идет в лицо,
взгляд ее – бог и царь)

– второй вступаться не след. Владения взгляда
сродни владениям камня, где только ритм дыхания наво-
дит на вдох

и замедляясь, сходит на нет на выдохе.

За гранью дыхания – (вот и видим, что корм не в коня:
волк смотрит в лес, и плох
смотрящий не так – собака. Я о том, что скучна череда
вспышек жизни, застрявших меж двух глотков воздуха,
теперь сгустившегося, дабы выстоять ночь.)

– за гранью дыхания камень и взгляд – одно.

А в такие верши ловятся не одни золотые рыбки
мы не выбираем улов, и мы открываем кувшины,
запечатанные Сулейманом
любой из наших путей – русло реки, иссякающей в сердце
песков

и не прежде, чем обогнем все ее излучины,
вольны мы выбрать другой; на любом из них споткнется
не только робкий

а звук обронить на пространствах взгляда —
кричать лунатику на стене саманной,
снизу кричать на кровлю – себе – смех
собой пробужденного уходит концами в смерть.

Ломая печати – они, в общем, ставились не для того
хотя поручиться нельзя – мы рискуем увидеть невыноси-
мое

тогда речь покажется спасительной: «не может быть»,
одинаково нелепое на человечесьем и ящеричьем языке, от-
ведет глаза

на мир, покинутый было: долина, трава, осиные

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.